

Т. В. Кирпиченко

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ГЛАЗАМИ ИНТЕРВЕНТОВ

Исторические явления революционных преобразований и Гражданской войны в России завершились 100 лет назад. Заключительные эпизоды тех далёких событий происходили на Дальнем Востоке. Из Владивостока в октябре 1922 года уходили последние корабли, увозившие иностранных интервентов и русских, не принявших новую власть, утверждавшуюся на огромной территории бывшей Российской империи. Многие из тех, кто навсегда покидал Россию, описали события тех лет. Впоследствии были изданы их мемуары, дневники, записки, воспоминания. Большею частью это документы, созданные высокообразованными российскими интеллигентами и офицерами белой армии, ушедшими в эмиграцию. В последние годы из печати вышли книги о Гражданской войне в сериях «Военно-историческая библиотека», «История Сибири в воспоминаниях и дневниках», «Всероссийская мемуарная библиотека» и других. Были опубликованы книги члена Омского правительства профессора Г. К. Гинса «Сибирь, союзники и Колчак», сборник двух книг И. И. Серебренникова «Гражданская война в России: Великий отход», «Дневник. 1917–1919» барона А. П. Будберга, воспоминания начальника штаба Восточного фронта белых С. А. Щепихина «Сибирский ледяной поход», мемуары атамана Г. М. Семёнова «О себе», «Революция и гражданская война: личные воспоминания Г. И. Клерже» и другие.

Сохранились и свидетельства иностранных участников событий Гражданской войны на Дальнем Востоке. Они представляют особый интерес, так как показывают те же события совсем в ином ракурсе. Порой они в корне отличаются от взгляда наших соотечественников.

Известно, что с началом Гражданской войны «спасать» Россию ринулись союзнические войска разных стран. На Дальнем Востоке это были в первую очередь англичане, американцы, французы и японцы. У всех были свои цели. Одни мечтали вернуть в Россию рухнувший строй, возродить монархию, другие прикрывались словами о том, что стремились локализовать угрозу со стороны германских и австрийских военнопленных, и все они оправдывали свою агрессию желанием помочь чехословацким войскам, пересекавшим по Транссибирской магистрали российские просторы, чтобы добраться до Владивостока, а оттуда вернуться на родину, чтобы продолжать войну с Германией.

Некоторые из тех, кто в составе союзнических войск побывал в Сибири и на Дальнем Востоке, оставили письменные свидетельства о событиях Гражданской войны в России. Многие из них непредвзято фиксируют особенности жизни и боевых действий в этом регионе при правлении белогвардейцев. Особый интерес представляет доклад Пишона «Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири», изданный на русском языке в 1925 году [6].

В предисловии редактора отмечается, что доклад Пишона не предназначался для публикации, а случайно «вывалился» из архивов тайной дипломатии и стал достоянием общественности.

Перевод доклада от 4 апреля 1918 года, представленный тогда ещё майором французского генерального штаба Пишоном французскому посланнику в Пекине, представляет «сводку наблюдений в Сибири», секретное донесение, не подлежащее публикации. Именно поэтому Пишон в нём предельно откровенен. Он даёт оценку роли и сущности сибирской буржуазии и политических партий от кадетов до эсеров. Он откровенно признаёт, что «демократическая республиканская Франция шла в Сибирь и Россию с тайной сокровенной надеждой... восстановить монархию и “покорить русского крестьянина кнутом”, пользуясь для этого содействием партии социалистов-революционеров» [6, с. 11].

В докладе также обсуждались тема осуществления интервенции с помощью японских войск и возможность совместных действий Японии и Франции на Дальнем Востоке и в Сибири.

Известно, что полковник Пишон в 1917 году, тогда ещё в чине майора, был членом французской военной миссии в Петрограде. После Октябрьского переворота этот офицер, служивший в секретном отделе французского генерального штаба и в совершенстве владевший русским языком, получает задание обследовать настроение в Сибири и выяснить реальные возможности к осуществлению интервенции, а также установить те политические группировки, на которые могут рассчитывать союзники. Шесть месяцев, проведённых им в различных городах Сибири, где зачастую, пользуясь фальшивым паспортом, он легко сходил за русского, дали ему богатый материал для выполнения возложенного на него задания, с которым он успешно справился, судя по тому, что, вернувшись в Пекин, во французское посольство, получил чин полковника [6, с. 10].

В своём докладе Пишон, наблюдая расслоение сибирского общества, описал существовавшие там профессиональные объединения, национальные

группировки, политические партии и роль социал-революционеров в Сибири, беспартийную интеллигенцию и буржуазию, церковь и духовенство.

Несколько цитат из доклада Пишона дают представление о том, что он увидел в Сибири и на Дальнем Востоке и какие выводы сделал из увиденного. Вот, например, какие задачи, по мнению Пишона, должны выполнить в Сибири французы: «По вступлении, мы сможем поставить то правительство, какое найдём нужным, без необходимости предварительно загроможить себя и стеснять свои действия присутствием манекена, которому мы же придадим ореол великого человека» [6, с. 17].

Размышляет он и об отношениях с побеждёнными русскими: «...если для нас речь идёт о моральных сторонниках после того, как мы совершим определённые действия, то за это беспокоиться не приходится: среди тысячи политических нюансов, существующих в толще русского народа, всегда найдутся люди, которые встретят победителя с цветами в руках, с флагами и приветственными речами. Такие люди встречались у украинцев и поляков, и даже немцев, во всех тех городах, в которых последние восстанавливали порядок. Такие люди будут благодарить и благословлять всякого, кто вернёт им имущество и спасёт их жизни, тем более, если при этом будет восстановлена их власть. На этот счёт беспокоиться нечего: таких сторонников мы найдём всюду» [6, с. 18–19].

«Прежде всего, должен сказать, что мысль о том, что с хорошей палкой в руке можно восстановить и поддерживать порядок у такого народа, как русский, который привык к кнуту, неверна... В народ проникло много новых идей, усвоение которых не позволит людям долго терпеть то, что они переносили безропотно тысячелетия» [6, с. 20].

Автору доклада бросилось в глаза такое явление, как отсутствие патриотизма у народа: «...вы встретите множество русских, покидающих пределы своей родины, которые вам с поразительной лёгкостью и беспечностью заявят, что им “стыдно называться русскими”, что они, впрочем, вовсе не русские, а, скажем, “поляки”, черкесы, — всё, что угодно, казаки просто или просто люди, считающие себя нейтральными во всём том, что происходит. Все эти люди — типичные шкурники: они отрекаются от своей родины исключительно для того, чтобы отправиться туда, где им кажется легче и лучше жить, а главным образом для того, чтобы не рисковать своей шкурой на различных фронтах, открывающихся то там, то здесь» [6, с. 21].

Как показали последние события нашей истории, и сейчас, к сожалению, в России есть немало таких людей.

Большой интерес вызывает книга «Американская авантюра в Сибири (1918–1920)» американского генерала Грэвса, бывшего командующего войсками Соединённых Штатов Америки, принимавшего участие в союзнической интервенции в Сибири [2]. В ней раскрываются основные мотивы интервенции в Сибири, переплетение разноречивых интересов крупнейших империалистических государств, объединившихся против России. Раскрывается роль Японии и её замыслов на Дальнем Востоке, связи японского военного командования с русской белогвардейщиной в Сибири и на Дальнем Востоке. В описании белой армии, её вождей, Колчака, Семёнова, Калмыкова, их кровавых деяний автор претендует на известную объективность.

Сведения и приводимые Грэвсом факты в вышедшей в 1932 году в Москве книге «Американская авантюра в Сибири (1918–1920)» определяют значение этой книги.

В предисловии известный советский историк И. И. Минц пишет, что «...тайна, окружавшая организацию интервенции в Советскую Россию, постепенно начинает раскрываться теми же, кто её создавал. Участники интервенции сваливают вину за неудачу предприятия на партнёров. Французские политики обличают англичан, последние не остаются в долгу и делятся “сведениями” о японцах и американцах одновременно, а белая эмиграция разоблачает не только своих империалистских хозяев, но и себя, дополняя истинную картину грабительского похода против Страны Советов» [2, с. V].

В 1918 году генерал Грэвс во главе американского экспедиционного корпуса оказался на Дальнем Востоке в центре острейшей классовой борьбы и сложнейшей дипломатической обстановки. Грэвс утверждает, что, отправляясь в Россию, был уверен, что выполняет меморандум американского правительства, один из пунктов которого гласил: «Ни одно из правительств, принимающих участие в операциях в Сибири или на севере России, не имеет в виду интервенцию, направленную против политического суверенитета России, и не стремится к вмешательству во внутренние дела России или к нарушению ее территориальной цельности как теперь, так и в дальнейшем».

Именно эта идея меморандума, по словам Грэвса, служила ему путеводным компасом во все периоды, во всех эпизодах его краткого, но чрезвычайно богатого событиями пребывания в Сибири. Но спустя короткое время иллюзии рассеялись, все факты указывали на то, что американцы поддерживали Колчака и не выполняли никаких инструкций по невмешательству в русские дела.

В конце концов Грэвс оставил все свои попытки оправдать «невмешательство» и изложил в книге факты, свидетелем которых он был. Так, он полностью раскрывает подготовку и весь ход чехословацкого переворота, ссылаясь при этом и на огромное количество опубликованных материалов: книги, газеты, документы, английские, французские и даже японские, на показания чехословаков, которые дружно доказывают, что угроза советской власти разоружить чехословаков, собственно, и вынудила империалистов выступить на защиту своих «попранных прав». Что санкция на выступление чехословаков была дана также и Америкой. Союзники охраняли тыл Колчака, сохраняли в целости железные дороги, снабжали оружием и обмундированием армии Колчака, а опекаемые ими колчаковцы развернули под прикрытием союзников такую дикую картину произвола, террора, массовых убийств, что зачастую сам Грэвс приходит в ужас.

Центральную часть книги занимает у Грэвса разоблачение Японии и подерживавших её Англии и Франции. Грэвс рассказывает о поддержке японцами Семёнова и Калмыкова, о захвате японцами стратегических пунктов в Сибири, о диком терроре против мирного населения, приводит засвидетельствованные факты зверской расправы японцев с русскими рабочими, которые были только заподозрены в большевизме.

«Пятеро русских, — сообщает Грэвс выдержку из официального донесения о казни, — были приведены к могилам, вырытым в окрестностях железнодорожной станции; им были завязаны глаза и приказано встать на колени у края могил со связанными назад руками. Два японских офицера, сняв верхнюю одежду и обнажив сабли, начали рубить жертвы, направляя удары сзади шеи, и, в то время как каждая из жертв падала в могилу, от трёх до пяти японских солдат добивали её штыками, испуская крики радости.

Двое были сразу обезглавлены ударами сабель; остальные были, по видимому, живы, так как брошенная на них земля шевелилась» [2, с. 180].

В своей книге генерал Грэвс даёт характеристики многим участникам белого движения и самому верховному правителю, главнокомандующему русской армии Колчаку, о котором высказывается довольно уничижительно.

«Единственным правительством, в соприкосновении с которым я находился в течение всей моей службы в Сибири, было правительство Колчака, если только его можно назвать правительством. Я сомневаюсь, чтобы без поддержки иностранных войск Колчак или его правительство обладали достаточной силой для осуществления верховной власти... ибо ни одно

государство не признало Колчака в качестве главы фактического или юридического правительства России» [2, с. 1].

Не обошёл автор вниманием и деятельность казачьих атаманов Калмыкова и Семёнова, он много пишет о зверствах их отрядов.

«В сентябре ко мне явился также Семёнов, оказавшийся впоследствии убийцей, грабителем и самым беспутным негодяем. Семёнов финансировался Японией и не имел никаких убеждений, кроме сознания необходимости поступать по указке Японии. Он всегда оставался в поле зрения японских войск. Он поступал так потому, что не мог бы продержаться в Сибири и недели, если бы не опирался на поддержку Японии. Семёнов всегда вёл разговоры о “возрождении родины”» [2, с. 63].

В своей книге Грэвс приводит с места уничтоженного войсками Семёнова целого сибирского селения свидетельские показания, зафиксированные представителями интервентских войск. Командующий американскими войсками в Забайкалье полковник Морроу пригласил одного французского и одного японского офицеров вместе с американскими офицерами обследовать место массового убийства. Доклад обследования был подписан американцем, французом и японцем [2, с. 176].

Ещё более жёсткую характеристику даёт Грэвс Калмыкову. Он пишет: «Здесь же, в Хабаровске, [в октябре 1919 г.] я впервые встретил этого знаменитого убийцу, разбойника и головореза Калмыкова. Калмыков был самым отъявленным негодяем, которого я когда-либо встречал, и я серьёзно думаю, что если внимательно перелистать энциклопедический словарь и посмотреть все слова, определяющие различного рода преступления, то вряд ли можно будет найти такое преступление, которого бы Калмыков не совершил. Япония в своих усилиях “помочь русскому народу” снабжала Калмыкова вооружением и финансировала его» [2, с. 67].

«В течение уссурийской кампании, с июля и до сентября 1918 г., казаки Калмыкова участвовали в военных действиях и вошли в Хабаровск вместе с японскими войсками 5–6 сентября. Калмыков остался в Хабаровске и установил там режим террора, вымогательства и кровопролития; это, возможно, и послужило причиной того, что его войска восстали и обратились за помощью к американским войскам. Под предлогом искоренения большевизма Калмыков прибегал к поголовным арестам состоятельных людей, пытал их, чтобы заставить их отдать ему деньги и ценности, и казнил некоторых из них по обвинению в большевизме» [2, с. 95]. Всё это происходило при поддержке японцев. И именно это, считает Грэвс, приводило ко многим преступлениям.

«Нужно помнить, — пишет Грэвс, — что Семёнов и Калмыков были бандитами и убийцами. Они были способны на любое преступление. Только физический страх или боязнь потерять поддержку японцев могли удержать их от нападения на американцев или на кого-либо другого» [2, с. 185].

А белогвардейского генерала Розанова Грэвс считал третьей одиозной фигурой в Сибири после Калмыкова и Семёнова. В своей книге он приводит текст приказа Розанова по войскам 27 марта 1919 года, который много говорит об этом человеке: «1. Занимая селения, которые ранее были заняты бандитами (партизанами), требовать выдачи вожаков движения; в тех селениях, где окажется невозможным их найти, но будут достаточные основания предполагать их присутствие, — расстрелять каждого десятого из населения. 2. Если при проходе войск через город, население не будет осведомлять (при возможности делать это) о присутствии противника, на всех без исключения должна быть наложена денежная контрибуция. 3. Селения, жители которых встретят наши войска с оружием в руках, должны быть сожжены дотла и всё взрослое мужское население расстреляно; имущество, дома, телеги и т. д. должны быть использованы для нужд армии» [2, с. 155].

В предисловии к своей книге Грэвс написал, что издал её не для того, «чтобы оправдать какие-либо свои действия в Сибири или действия американского военного ведомства». На самом деле, осуждая поступки и действия правительств других стран-агрессоров, он пытается оправдывать американское правительство, хоть и честно признаётся, что не понимает, зачем американские войска были посланы в Сибирь. Грэвс так заканчивает свою книгу: «Отсутствие информации со стороны Соединённых Штатов и союзных правительств относительно военной интервенции в России указывает на то, что различные правительства, принимавшие участие в интервенции, весьма мало могут гордиться этой авантюрой» [2, с. 248].

И ещё поводом для написания книги стал тот факт, что в американских библиотеках появилась книга английского полковника Джона Уорда, которая, по мнению Грэвса, «создаёт намеренно неправильное представление о поведении американских войск и честном выполнении ими своего служебного долга» [2, с. 1–2].

Джон Уорд принимал участие в событиях Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке в качестве начальника экспедиционного отряда батальона Миддлсекского полка. Его воспоминания о том времени были опубликованы на русском языке в 1923 году под названием «Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного

отряда полковника Джона Уорда». Его «записки» о расстановке сил союзнических войск в Сибири и на Дальнем Востоке, военных делах, встречах с представителями Белого движения, взаимоотношениях с союзниками других экспедиционных отрядов резко отличаются от «записок» американца Грэвса.

Экспедиционный отряд батальона Миддлсекского полка 18 октября 1918 года прибыл в Омск, где был встречен «с распростёртыми объятиями». Англичане в основном действовали в окружении Колчака, охраняли его в Омске и поездках по Транссибу. Главой британской военной миссии был генерал Нокс, значимость которого для всей союзнической миссии постоянно подчёркивал Уорд.

«Генерал Нокс работал изо всех сил и давал больше указаний русскому правительству, чем все остальные союзные представители вместе» [3, с. 199]. «Каким счастьем было, что в этот критический час русской истории Англия представлена генерал-майором Ноксом. Я никогда не слышал о нём до путешествия в Сибирь, однако в нём мы нашли человека, соединяющего мужество солдата с высокими качествами государственного человека, созданного для руководства специальными делами» [3, с. 211].

С неменьшим восхищением (в отличие от Грэвса) Уорд пишет о верховном главнокомандующем Колчаке.

«Какое счастье было для России, что в час её нужды она призвала такого человека! Нет нужды, каков будет окончательный результат его усилий, успех или поражение, но его сознание и личность дали возможность этому великому народу выйти из пучины, окружавшей его, и повернуть своё лицо к солнцу» [3, с. 210–211].

Рассуждая о причинах трагической обстановки, сложившейся на обширных пространствах Сибири, Уорд пишет, что, только получив твёрдое обещание помощи и немедленного признания его правительства со стороны союзников, Колчак согласился стать главой Омского правительства. Не признав новое русское правительство, союзники сделали нереальным его существование и поставили Колчака перед невозможностью поддерживать свой авторитет. Уорд считает, что, по сути, Колчака погубили не столько действия его врагов, сколько Советы и бездействие его союзных друзей.

В своих воспоминаниях о России Уорд описывает встречи с разными людьми, которые произвели на него сильное впечатление.

Вот, например, как довольно странно и противоречиво в его книге выглядит фигура атамана Семёнова, подозрительность и тревожность которого плохо сочетаются с доброжелательностью.

«Полковник Семёнов представляет из себя одну из самых поразительных личностей, которые я встречал в России. Человек среднего роста с широкими четырехугольными плечами, огромной головой, объём которой ещё больше увеличивается плоским монгольским лицом, откуда на вас глядят два ясных, блестящих глаза, скорее принадлежащих животному, чем человеку. Вся поза у него сначала подозрительная, тревожная, решительная, похожая на тигра, готового прыгнуть, растерзать и разорвать, но в состоянии покоя перемена замечательна! Со спокойной улыбкой на смуглом лице вся фигура смягчается, утихает. Полковник Семёнов очень занятная личность. Его огромная физическая сила была причиной того, что японцы назвали его “самураем” или “бравым рыцарем полей”, и мне кажется, что это хорошо определяет его характер. Неутомимый и храбрый, и вместе с тем доброжелательный. Монгольские князья просили его стать их императором, и если он выберет эту тропинку, то вихрь промчится по соседним землям. Быть может, подо всем этим он, прежде всего, добрый русский человек — время, впрочем, покажет, если разговор наш оправдается, он придаст немало сил русским сражающимся армиям...» [3, с. 217].

Встречались на пути Уорда и такие замечательные личности, как последний приамурский генерал-губернатор Николай Львович Гондатти, с которым он познакомился в Харбине.

«Гондатти — просвещённый патриот, — пишет Уорд, — и я удивляюсь, что не нуждаются в его советах в эти критические моменты истории его страны. Его мысли относительно признания державами были не менее замечательны. Он не думает, чтобы какое-нибудь государство могло оказать помощь России, не потребовав за это каких-нибудь условий» [3, с. 219].

В своих записках Уорд отмечает, что написаны они были для сына на тот случай, если он не вернётся из экспедиции в Сибирь. Многие события, произошедшие с тех пор, показали, что не все его оценки были верны и справедливы. «Государственный человек и солдат редко пишут историю; их несчастье в том, что они творят её. Ведь очень просто быть пророком после того, как известны результаты» [3, с. 224]. Но автор не посчитал нужным менять текст записок и «округлять его результатами опыта», чтобы не нарушать основную цельность рассказа.

Историки признают наиболее ценной частью книги Уорда ту, где он показал борьбу между различными иностранными державами — участницами сибирской интервенции 1918–1919 годов. На Дальнем Востоке борьба эта

шла главным образом между японцами и американцами, а в Омске — между англичанами и французами.

В заключение следует обратить внимание на вышедшую в 2020 году во Владивостоке книгу французского писателя Жозефа Кесселя «Смутные времена» [5]. Жозеф Кессель (1898–1979 гг.) — французский писатель с русскими корнями, ставший известным в России после экранизации Луисом Бунюэлем его романа «Дневная красавица» с актрисой Катрин Денёв в главной роли. Его роман «Смутные времена» — это воспоминания о Владивостоке, каким он был в 1918–1919 годах.

Кессель родился в Аргентине, куда его отец, выходец из России, переехал после учёбы во Франции. После Аргентины семья Кессель переехала в Оренбург, в родной город матери автора романа, где они жили с 1905 по 1908 год. После возвращения в Париж Жорж Кессель учился на филологическом факультете, публиковал очерки во французских журналах и газетах, в 20 лет добровольцем поступил во французскую военную авиацию, а в октябре 1918 года отправляется с Французским экспедиционным корпусом в охваченную войной Россию, на Дальний Восток. Поехал добровольцем, мечтая увидеть родину своих предков.

В пути французы узнали, «что им надо присоединиться к американским, английским и канадским войскам, усиленным чешским, а также венгерским, польским и румынским полками. Состояли эти полки в основном из дезертиров и беглых заключённых. Из этой армии в Сибири должен быть сформирован фронт, а десятки тысяч людей должны были противостоять армии Вильгельма II на тот случай, если бы она двинулась за Урал» [5, с. 30].

В ноябре на военном корабле они прибыли во Владивосток, где оказались в невероятной обстановке заброшенности и неустроенности. В первые же дни Жозеф Кессель, как единственный человек, прекрасно знавший русский язык, получил приказ отыскать железнодорожные вагоны и отправить в Омск, где находился французский корпус генерала Жанена, оружие, боеприпасы и тёплые вещи. В обстановке, где царили нищета, беспорядок и отчаяние, выполнить это задание стоило немислимых усилий. Ему пришлось побывать в портовых притонах, пахнущих водкой и преступлениями, китайских трущобах, где среди грязи и паразитов ютились голодные кули (грузчики), которые тысячами приезжали сюда, тайно пересекая границу, в поисках работы. Здесь, на вокзале, он впервые столкнулся с бандитами атамана Семёнова.

«...я увидел двух человек: лицом ко мне стоял вокзальный служащий, а спиной — казачий офицер. Служащий прикрывал руками лицо, в этом жесте была не только мольба, но и стремление защитить себя. Он умолял:

— Ваше благородие, ваше благородие, я сделаю для вас, ваше благородие, но у нас нет, я клянусь вам, у нас...

Он не договорил: плеть, висевшая на запястье у казака — небольшая ручка, длинный шнур из толстой режущей, словно нож, кожи, — развернулась в воздухе, словно змея, готовая к атаке, затем обрушилась на служащего, взмыла в воздух и снова устремилась вниз. В одну секунду, одновременно, раздались три звука: свист плети, звук разрывающейся человеческой кожи и звериный крик человека, получившего удар прямо по лицу. Служащий закрыл лицо руками, сквозь его пальцы сочилась кровь.

— Передай своему начальнику этот привет от атамана, — произнёс офицер» [5, с. 71–72].

Об атамане Семёнове, хозяине Читы, как его называли, Жозеф Кессель был наслышан. О нём он пишет: «Семёнов — простой унтер-офицер из казаков Приамурья. Рассказывали, что он ушёл два года назад в сопровождении семи человек, и ни одним больше, чтобы преследовать красных партизан. Захватывал по дороге всё оружие, какое только смог найти. Собрал студентов, бросивших учёбу, сбежавших каторжников, дезертиров, золотоискателей, оставивших опостылевшие рудники, охотников, уставших от капканов, бродяг без кола и двора, блуждавших по бескрайней тундре и тайге. Сформировал сначала сотню, интересовавшуюся только грабежами, выпивкой да девочками, затем сотня превратилась в банду и, наконец, в армию. Семёнов провозгласил себя атаманом. Остановился в Чите. Бог Гражданской войны» [5, с. 72].

Ещё немало неприятных встреч и опасных приключений ожидало главного героя в городе, куда он так стремился. Эти воспоминания о Владивостоке — «городе, где правит закон джунглей» [5, с. 4] — легли в основу романа Кесселя «Смутные времена». Во Владивостоке предвкушение радости возвращения на родину своих предков сменилось горьким чувством, что он оказался «...у края надежды. На краю света» [5, с. 65].

Детально представить себе историю Белого движения и участие в событиях Гражданской войны на Дальнем Востоке и в Сибири легионеров союзнической интервенции стран Антанты позволяют не только труды учёных — исследователей этой темы, но и живые воспоминания участников тех событий. Письменные свидетельства представителей иностранных союзнических войск значительно дополняют картину Гражданской войны, описанную в книгах российских участников сражений со стороны Красной армии, партизан и Белого движения Восточного фронта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грэвз, У. Колчак, Америка и Япония : (интервенция Америки в Сибири) / У. Грэвз ; пер. с англ. С. Займовского. — Москва : Журн.-газ. об-ние, 1932. — 48 с.
2. Грэвс, В. Американская авантюра в Сибири : (1918–1920) / В. Грэвс ; пер. с англ. А. Ф. Сперанского, С. С. Соколова ; вступ. ст. И. И. Минца. — Москва : Госвоениздат, 1932. — 248 с.
3. «Дело не получило благословения Бога». — Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. — 368 с : ил. — (Дальневосточные сюжеты Октября).
4. «Им не убить идеала!..» : по документам и воспоминаниям. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1990. — 316 с. : ил. — (Дальневосточные сюжеты Октября).
5. Кессель, Ж. Смутные времена : Владивосток 1918–1919 / Ж. Кессель. — Владивосток : Рубеж, 2020. — 143 с. : ил.
6. Пишон. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири : доклад Пишона / ред. и предисл. Вл. Виленского-Сибирякова ; пер. с фр. П. Ивангородского. — Москва ; Ленинград : Госиздат, 1925. — 93 с.
7. Субботовский, И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор : (исключительно по официальным архивным документам Колчаковского правительства) / И. Субботовский. — Ленинград : [б. и.], 1926. — 324 с.
8. Уорд, Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / Дж. Уорд ; предисл. И. Майского. — Москва : Петроград : Госиздат, 1923. — 172 с. — URL: http://militera.lib.ru/memo/english/ward_j/index.html. — Текст : электронный.
9. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / подгот. к печати И. Минц. — Москва : Центрархив, 1934. — 236 с. — (Массовая историческая библиотека).